

Глаза второй тетушки, подобные прожекторам, сканировали этот простой, но удивительно опрятный зал.

Взгляд наконец намертво зафиксировался на той самой тарелке с маринованными побегами бамбука, на которую так пристально смотрел Сяо Шитоу, а затем она с силой втянула носом воздух, улавливая исходящий оттуда стойкий, свежий и сладковатый травяной аромат.

Она шмыгнула носом и резко произнесла:

— Я-то думаю, почему куры в последнее время перестали нормально нестись, целыми днями бегают к вам во двор и орут! Даже Сяо Шитоу стал как не в себе, только и думает, как бы убежать в вашу сторону!

— Неужели вы использовали какие-то окольные методы или подозрительные снадобья для мариновки овощей? Где Хун? Пусть она выйдет и идет со мной домой!

Она говорила всё более возбужденно, решив, что это именно тарелка с «заряженными» маринованными побегами бамбука приманивает ее сына и кур, и протянула руку, чтобы схватить тарелку!

— Вторая тетушка!

Цзян Жунькунь, который все это время неподвижно сидел за столом, произнес это холодным тоном. В одной руке он держал палочки для еды, а его движения были невероятно быстрыми.

Опередив события, он преградил путь между второй тетушкой и столом. Его палочки, казалось, лишь небрежно дернулись, но мягкая и на удивление мощная сила в нужный момент остановила порыв второй тетушки, заставив ее отступить на полшага!

Вторая тетушка пошатнулась, чувствуя, будто врезалась в невероятно упругую стену плоти, и осталась в полном оцепенении и ярости.

— Ты... ты... Куньва?

Только сейчас она по-настоящему обратила внимание на Цзян Жунькуня, ее глаза чуть не вылезли из орбит!

Где в этом молодом человеке остались хоть следы того прикованного к постели, истощенного больного?

Его взгляд был острым и пронзительным, аура совершенно переменилась. Она невольно почувствовала страх, словно ее выслеживал дикий зверь, и оставшиеся слова застряли у нее в горле.

Цзян Жунькунь глубоко вдохнул, подавляя внезапный порыв просто схватить эту мегеру и вышвырнуть за порог.

Он контролировал тон, его голос был низким и спокойным, но звучал с незыблемой твердостью.

— Вторая тетушка, Сяо Хун — разумная девушка. Она видит, что мои родители стары, а я был бесполезен, поэтому часто приходит помочь. Эту доброту я помню в своем сердце.

— Что касается еды... посмотрите сами, что у нас в кастрюле и мисках? Это все дары гор, мы добавили разве что немного наших фамильных сушеных перчиков и соли, какая же тут может быть отравка?

— А насчет того, что ваши куры перестали нестись...

Он сделал паузу, его взгляд скользнул по аккуратному навесу кухни во дворе, затем по свинарнику у дома второй тетушки, откуда даже издали несло неприятным запахом, и в его голосе прозвучала едва уловимая насмешка.

— Может, это потому, что ваш сарай стоит слишком близко к свинарнику, и курам просто неприятно там находиться? Может, вы сперва сходите домой и наведете порядок?

— Я... я...

Вторая тетушка захлебнулась от возмущения, особенно фраза про «навести порядок» ударила по больному, ее лицо то бледнело, то краснело.

— Шитоу!

Не смея нападать на Цзян Жунькуня, чья аура так сильно изменилась, она переключила гнев на младшего сына.

— Еще не идешь домой? Не позорься здесь! Хун, Цзян Хун, бестолковая девчонка, немедленно выходи!

Цзян Хун, мывшая овощи на заднем дворе, услышала окрик и выбежала, все еще держа влажную тряпку. Увидев такую сцену, она тут же покраснела.

Она закусила губу, робко посмотрела на свою грозную мать и невозмутимого двоюродного брата, затем перевела взгляд на младшего брата Шитоу, который, прячась за спиной матери, продолжал воровато поглядывать на бамбуковые побеги. В конце концов, опустив голову, она молча сняла фартук и быстро подошла ко второй тетушке.

— Мама...

— Пошли домой!

Вторая тетушка схватила Цзян Хун за запястье, еще раз злобно сверкнула глазами на Цзян Жунькуня, словно хотела просверлить дыру в его преобразившемся лице, но в итоге ничего не сказала и вихрем вылетела со двора, увлекая за собой дочь и постоянно оглядывающегося сына.

Во дворе снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь хлопаньем крыльев испуганных воробьев.

Отец, Цзян Сы, тяжело вздохнул, уставши прислонившись к дверному проему. Тот дух, что только что появился у него после улучшения состояния здоровья, словно испарился.

Мать, Сюй Цю, и вовсе прислонилась к стене, прижимая ладонь к груди, долго не в силах перевести дыхание.

Цзян Жунькунь молча собрал тарелку с маринованными побегами, которые приняли за «источник яда».

Кончиком пальца он взял кусочек и отправил в рот. В соленом и хрустящем вкусе действительно присутствовала легкая сладость от Таблетки Укрепления Основы.

Он смотрел в сторону, куда исчезла семья второй тетушки, на извилистую, разбитую грунтовую дорогу, ведущую к разным домам и разметившую своим путем разные судьбы.

Вдалеке со стороны дома второй тетушки слышались свиной визг и шум беспокойной куриной стаи.

В его глазах, ярких, как утренняя звезда, отражались возвышающиеся за окном вечно неизменные Горы Фуню, а над ними — невидимая для смертных, но едва различимая лишь для него, практикующего Технику Фиолетового Свода Чжунтянь, ослепительная и холодная траектория древних звезд.

Звездные пути вечны, свет струится сквозь годы, наблюдая за суетой людского мира.

Печали и радости, бедность, невежество и эта крошечная вспышка конфликта в глубине горных утесов под этим звездным небом были слишком ничтожны, чтобы стоить упоминания.

Ночная небесная прохлада подобна воде, я сижу и смотрю на звезды Пастуха и Ткачихи.

Цикады в ущельях гор Фуню кричали с каждым днем все усерднее, их шум сплетался в плотную, душную сеть, возвещая о полном поражении последних остатков июньской прохлады.

Жизнь в этом зеленом море, окруженном горами, как тот ручей перед домом, что течет день и ночь, ничуть не меняясь, безмятежно текла, не порождая лишней ряби.

Новость о полном выздоровлении ног Цзян Жунькуня, подобно маленькому камешку, брошенному в глубокий омут, лишь глухо булькнула во дворе семьи Цзян и ушла на дно.

Помимо родителей и двоюродной сестры Цзян Хун, которая изредка тайком прибегала принести свежей зелени, скрывая радость в глазах, весь Деревня семьи Цзян не имел об этом ни малейшего понятия, да и особого интереса не проявлял.

Деревенские жители работали от рассвета до заката, хлопоча перед богами неба и земли за горстку пропитания. Кому было дело до того «калеки», который когда-то чуть не отправился на тот свет, а ныне, по слухам, «поправился», но мог лишь сидеть взаперти у себя дома?

В их простом понимании, способность перейти от лежачего положения к сидячему — это уже предел того, что значит «поправиться».

В начале месяца на ту самую банковскую карту, что хранила окончательный вердикт страховой компании и органов соцобеспечения, бесшумно упали еще более полумиллиона.

В городе этих денег едва хватило бы на первый взнос по ипотеке, но здесь, в маленьком дворе семьи Цзян, они стали невидимым якорем спокойствия, удержавшим бушующие волны, поднятые тяжелой травмой сына.

Тяжелая гора, давившая на сердце родителей под названием «долгосрочное лечение и будущий уход», наконец с грохотом обрушилась и развеялась как дым.

Когда тяжелый камень выживания был сброшен, натянутые струны сердца Цзян Жунькуня тоже немного расслабились.

Тело полностью восстановилось и даже закалилось, став в сотни раз выносливее той «нездоровой оболочки» студенческих времен, измотанной ночными посиделками.

Работа техники Чжунтянь Цзывэй вошла в правильную колею, и разреженный вихрь звездной силы Сюаньцзи Юйхэн в море дантянь плавно вращался в ритме дыхания, с приходом луны и появлением звезд бесшумно укрепляясь.

Вдохновение и поглощение звездной энергии ночами стало инстинктом, впитавшимся в кости.

Так что же делать с внезапно освободившимися долгими днями?

Взор Цзян Жунькуня естественно обратился к базовым техникам, данным «Система совершенствования», чье название было таким холодным, странным и длинным, что им можно было подвязать ноги — Секретным главам Врат Чертога Цзывэй и Технике Фиолетового Свода Чжунтянь.

Техника была хороша, а эффект — молниеносным.

Но все же... это было слишком «сухо»! Кроме сухих инструкций о том, как поглощать звездную силу, как направлять ее в теле и как пробивать энергетические меридианы, о фоне, теоретических основах и даже о том, что именно означает так называемое «следование пути природы» — ни слова!

Система была словно безжалостный программист: она выдала ему скомпилированный супермощный исполняемый файл, но поленилась даже предоставить исходный код и разработческую документацию!

Это было все равно что носить лучший космический скафандр, не зная, как запустить двигатели.

— Нельзя так тренироваться вслепую!

Дисциплина и любознательность технаря в крови Цзян Жунькуня мгновенно пробудились.

А вдруг в программе есть баги?

А вдруг эта система — ловушка, организованная под видом совершенствования?

Даже если это не ловушка, чем он будет отличаться от живого трупа, если не будет знать источник силы?

Ему нужна была объяснительная система!

Главный дар эпохи интернета — крах интеллектуальных барьеров.

Древние трактаты, которые раньше считались сокровенными секретами даосских храмов, теперь можно было найти, лишь вбив несколько символов на клавиатуре.

Мысль появилась, а за ней и решимость.

Цзян Жунькунь немедленно выделил из свежеполученной компенсации сумму на «инвестиции в знания».

Спустя несколько дней курьер из города на старом мотоцикле доставил картонную коробку с логотипом кота к порогу дома семьи Цзян.

Первый инструмент современного производства — обычный ноутбук, способный работать с документами и сетевыми учебными курсами, — официально обосновался в этой хижине с цементными стенами.

С этого момента жизнь Цзян Жунькуня приобрела заданный ритм.

Днем старый деревянный стол в углу стал его личным залом для практик.

На столе был развернут ноутбук, экран которого был заполнен текстовыми окнами.

Ортодоксальный Даосский Канон.

Юньцзи Цицянъ.

Полная книга Дао «Цзывэй Доушу».

Исследование сфер звездных чиновников.

Баопу-цзы. Внутренние главы.

Разнообразные даосские классические тексты, записки о практиках и тайные методы алхимии были безумно скачаны, рассортированы и прочитаны им.

Он был похож на голодного человека, набросившегося на банкет. Он жадно и не пережевывая поглощал все знания, которые могли иметь хоть какое-то отношение к «Цзывэй», «звездной силе», «сянься» и «дао».

Его глаза были прикованы к экрану, а пальцы неуклюже стучали по старой клавиатуре в пятнах чая. Вентилятор охлаждения ноутбука издавал низкий гул, казавшийся в тишине горного села особенно отчетливым.

В углу стола выросла стопка толстых тетрадей, исписанных не аккуратными заметками, а какими-то понятными только ему символами, графиками и каракулями.

Чертежи созвездия Большой Медведицы, покрытые точками.

Простая схема расположения Сюаньцзи Юйхэн в области даньтянь.

Строки, выписанные из даосских канонов, которые, однако, вступали в противоречие с

ощущениями его Истинной Ци Фиолетового Свода или вовсе не поддавались объяснению.

— Зарождение духа во дворце — как он зарождается?

— Девять циклов для достижения истины — сколько раз вращать, в каком направлении?

Описываемая в канонах «духовная энергия неба и земли» была хаотичной и всепроникающей, а он мог четко ощущать лишь холодную, строго направленную звездную энергию. Почему остальная «духовная энергия» была настолько разреженной, что ее почти не существовало?

Вопросов становилось все больше, но понимания не прибавлялось.

Сложнейшие термины, туманные метафоры — попытки разобрать их с помощью мирской логики были подобны попытке вырезать наноразмерную звездную крошку плотницким топором: сил затрачивалось много, а вреда становилось больше.

Однако тревога заключалась не только в этом.

Чем больше он читал каноны и чем толще становились его записи, тем сильнее Цзян Жунькунь чувствовал необъяснимый холод в сердце: каждый раз, когда он читал главы о «созвучии неба и земли» или «коммуникации с великой энергией вселенной», его Истинная Ци Фиолетового Свода, которая должна была быть послушной, начинала испытывать странное сопротивление!

Это было похоже на песчинку, попавшую в прецизионный механизм, или на скрытый риф под спокойным течением ручья.

Это слабое чувство задержки и отторжения заставляло вихрь послушной звездной силы в даньтяне едва заметно дрожать, словно нечто невидимое вмешивалось в его стабильное движение!

<http://bllate.org/book/18961/1859947>